

Святитель Николай Японский

Епископ Александр (Милеант)

Содержание:

Житие.....	2
Призвание.....	4
Хакодате	7
Первые успехи.....	9
Помощь из России	13
Переводы Священного Писания и других необходимых книг	14
Война	20
Последние годы жизни и кончина	23
Собор Свят. Николая	26
Слова и наставления Николая Японского	29
Уготови душу твою во искушение.....	29
Из письма к митрополиту Макарию (Невскому)	32
Заключение	36

Житие

Равноапостольный Николай (Касаткин), создатель и первоиерарх японской церкви, является выдающимся русским миссионером 20-го века. Почив в 1912 году, он был причислен к лику святых шестьдесят лет после своей кончины (31 марта 1970 года).

Вся жизнь и все силы этого самоотверженного миссионера были отданы проповеди Евангелия и сеянию Слова Божия в Стране Восходящего Солнца, и его равноапостольные труды принесли богатый

плод. Наганава Мицуо пишет: “Он оставил потомкам собор, 8 храмов, 175 церквей, 276 приходов, вырастил одного епископа, 34 иереев, 8 диаконов, 115 проповедников. Общее число православных верующих достигло 34110 человек...”

Протоиерей И. Восторгов, посетивший Японию, писал: “Не было человека в Японии, после императора, который пользовался бы в стране такою известностью. В столице Японии не нужно было спрашивать, где русская православная миссия, довольно было сказать одно слово “Николай,” и буквально каждый рикша сразу знал, куда нужно было доставить гостя миссии. И православный храм назывался “Николай,” и место миссии также “Николай ,” даже само православие называлось именем “Николай.” Путешествуя по стране в одежде русского священника, мы всегда и всюду встречали ласковые взоры, и в словах приветия и разговора по поводу нас мы улавливали слухом среди непонятных слов и выражений незнакомого языка одно знакомое и дорогое: “Николай”...”

Известный востоковед Д. М. Позднеев, близко знавший святителя, вспоминает: “Вместе с мягкостью, он был железным человеком, не знавшим никаких препятствий, практичным умом и администратором, умевшим находить выход из всякого затруднительного положения. Вместе с любезностью в нем была способность быть ледяным, непреклонным и резким с людьми, которых он находил нужным воспитывать мерами строгости, за что-либо карать или останавливать. Вместе с общительностью в нем была очень большая, долгим опытом и горькими испытаниями приобретенная сдержанность, и нужно было много времени и усилий, чтобы заслужить его доверие и откровенность. Наряду с какой-то детской наивностью веселого собеседника в нем была широта идеалов крупного государственного ума, бесконечная любовь к родине, страдание ее страданиями и мучение ее мучениями... Широкие и святые идеалы, железная воля и неистощимое трудолюбие — вот сущность архиепископа Николая.”

Нельзя не согласиться с А. Платоновой, автором одного из жизнеописаний святителя, которая писала: “Знать о нем возможно более подробно — долг всякого русского человека, потому что такие люди, как архиепископ Николай, — гордость и украшение своей страны.”

Деятельность его была сопряжена с многими скорбями. Архиепископа Николая травили с двух сторон: японцы — как русского политического агента, шпиона, агитатора, сеющего на японской почве измену и симпатии к вероломной, хищнической России; русские — как деятеля, сообщающего Японии о России то, чего ей не нужно знать... Деятельность архиепископа объявлялась, таким образом, не только бесполезною, но и вредною, а на него самого многие в России смотрели как на охваченного странной манией оригинала. Архиепископа Николая спасли для дела две руководившие им во всю жизнь идеи: первая — идея апостольского служения, подвига распространения православия среди язычников; вторая — горячее убеждение, что его работа должна стоять вне всякой связи с политикой.” И в другом месте: “Его проникало то, что он хранил в себе не для земной цели.”

Призвание

Иван Дмитриевич Касаткин родился 1 августа 1836 года в селе Береза Вельского района Смоленской губернии¹. Его отец Дмитрий Иванович Касаткин служил диаконом в сельской церкви. Ребенка называли Иоанном в честь славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня. Его мать Ксения Алексеевна умерла 34 лет от роду, когда ему было всего пять лет.

Несмотря на крайнюю бедность, мальчика отдали учиться сначала в Вельское духовное училище, а затем в Смоленскую семинарию. С. Недачин пишет: “При отсутствии железных дорог юноша должен был тащиться по ужасным и теперь еще Вельским трущобам к губернскому городу Смоленску для получения образования в духовной семинарии. Далеко не все семинаристы того времени ездили учиться

на лошадях. Очень многим из них, наиболее бедным, к числу которых принадлежал и мальчик Касаткин, приходилось идти пешком на протяжении свыше 150 верст, чтобы явиться в стены семинарии.”

В 1856 году он блестяще окончил курс семинарии и был на казенный счет отправлен в Петербургскую духовную академию, где учился до 1860 года.

Прихожанами московского храма Вознесения Господня на Никитинской было установлено, что на месте этого села теперь находится дер. Береза Мостовского сельского округа Оленинского района Тверской области. В 1836 году село Береза являлось центром Березовской волости Вельского района и насчитывало 5 дворов (7 мужчин и 6 женщин). От села в деревне не осталось ни одного дома. Сельская церковь была разрушена в годы Великой Отечественной войны.

Святитель заботился об отце до самой его смерти, ежемесячно отдавая ему часть жалованья.

Молодой человек выказывал выдающиеся способности; предполагалось, что он останется при академии для подготовки к профессорской деятельности, однако решение отправиться в Японию совершенно изменило его судьбу.

Оно было принято совершенно неожиданно. По свидетельству самого святителя Николая, ему до того времени никогда и в голову не приходила мысль о монашестве. Однажды же, проходя по академическим комнатам, Иван Дмитриевич заметил в одной из “занятных” объявление с предложением отправиться кому-нибудь из окончивших академический курс в Японию на роль настоятеля посольской церкви в Хакодате. Несколько товарищей Касаткина уже выразили желание ехать в Японию в сане священника. Приглашение это не произвело на юношу особого впечатления, пусть в свое время его сильно впечатлили воспоминания Головнина о Японии. Он спокойно пошел ко всенощной. И вот, во время богослужения, он вдруг решил, что должен ехать в Японию. Вернувшись от всенощной, он в глубоком волнении направился к ректору академии, преосвященному Нектарию, и заявил ему о своем

желании ехать в Японию, но не женатым священником, а монахом. Ректор академии очень сочувственно отнесся к порыву юноши и доложил о его желании митрополиту. В самый непродолжительный срок судьба Ивана Дмитриевича Касаткина была решена.

21 июня 1860 года юношу постригли в монашество с именем Николая. 29 июня, в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла, он был рукоположен в иеродиакона, а на следующий день, когда праздновался Собор Двенадцати Апостолов (престольный праздник академической церкви), — в иеромонаха. Епископ Нектарий, постригавший юношу в монахи, нарек его Николаем и сказал: “Не в монастыре ты должен совершить течение подвижнической жизни. Тебе должно оставить самую Родину, идти на служение Господу в страну далекую и неверную. С крестом подвижника ты должен взять посох странника, вместе с подвигом монашества тебе предлежат труды апостольские.”

В конце июня иеромонах Николай покинул Петербург и три дня провел со своими родными в деревне. Простившись с ними, он отправился в далекий путь. С собою он взял Смоленскую икону Божией Матери, которую хранил всю жизнь⁴.

Дорога в Японию была долгой и трудной. Зиму иеромонах Николай провел в Николаевске-на-Амуре. Здесь он встретился со святителем Иннокентием, просветителем Сибири (в ту пору епископом Камчатским). Последний благословил его на предстоящие труды и посоветовал вплотную заняться изучением японского языка. Видя бедную рясу иеромонаха, епископ Иннокентий купил хороший бархат и сам выкроил из него рясу отцу Николаю. Также он возложил на отца Николая наперсный бронзовый крест, полученный за участие в Крымской кампании.

14 (2) июня 1861 года иеромонах Николай на военном транспорте “Амур” прибыл в японский порт Хакодате.

Хакодате

Первым русским консулом в Хакодате был назначен Иосиф Антонович Гошкевич (1814-1875), личность замечательная во многих отношениях⁵. Он прибыл в Хакодате в третьей декаде сентября 1858 года в сопровождении семьи, морского офицера, врача, священнослужителя (последний по болезни вернулся на родину в год учреждения консульства), четырех слуг и двух служанок.

Еще до прибытия иеромонаха Николая в Японию русское консульство успело построить в Хакодате церковь Воскресения Христова (впоследствии, во время большого хакодатского пожара, эта церковь сгорела, и на ее месте был построен каменный храм). Строил и освящал церковь отец Василий Махов. Болезнь вынудила его уже через год покинуть Японию и вернуться на родину, после чего И. А. Гошкевич и обратился в Синод с просьбой прислать священника с высшим духовным образованием.

Следует заметить, что в эту пору отношение японцев к иностранцам было весьма недоброжелательным. Навязанные западными странами договоры “о мире” вызывали крайнее неудовольствие у самураев, считавших иностранцев “варварами” и ратовавших за их полное изгнание. Соответственно, открытие страны и появление иностранцев способствовали развитию крайней ксенофобии, проявлявшейся порой в открытом насилии. Так, за первое полугодие 1861 года было убито шесть иностранцев. Вооруженные нападения на христиан, в которых японцы видели едва ли не главных своих врагов, происходили в Киото, Эдо и Иокогаме. В Хакодате инцидентов подобного рода не было, однако и к русским японцы относились с ничуть не меньшей, а то и большей подозрительностью, чем к другим иноземцам. Смута, а вместе с ней и антисё-гунские настроения усиливались. В 1862 году началась настоящая гражданская война, закончившаяся в 1868 году отставкой сегуна и созданием императорского правительства. Последним оплотом сил сегуна волею судеб оказался Хакодате, занятый флотом Эномото. Однако флот этот был разбит императорскими силами уже в мае 1869 года. Император переехал в Эдо,

получивший после этого название Токио или “восточная столица.” Началась эпоха Мэйдзи — эпоха “Просвещенного Правления.”

“Один Господь знает, сколько мне пришлось пережить мучений в эти первые годы. Все три врага: мир, плоть и диавол — со всей силою восстали на меня и по пятам следовали за мной, чтобы повергнуть меня в первом же темном, узком месте, и искушения эти были самые законные по виду: “Разве я, как всякий человек, создан не для семейной жизни? Разве не можешь в мире блистательно служить Богу и ближним? Разве, наконец, не нужны ныне люди для России более, чем для Японии? “И т. д. Тысячи наговоров выливают тебе в уши, и это каждый день и час, и наяву и во сне, и дома в келье, и на молитве в церкви. Много нужно силы душевной, великое углубление религиозного чувства, чтобы побороть все это.”

О проповеди не могло идти и речи, ибо “тогдашние японцы смотрели на иностранцев как на зверей, а на христианство как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи.” Помимо прочего, молодой миссионер не знал японского языка и не был знаком с японской религией, историей и культурой. “Приехав в Японию, я, насколько хватало сил, стал изучать здешний язык. Много было потрачено времени и труда, пока я успел присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему на свете, так как он состоит из двух: природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не слившихся в один. <...> Кое-как научился я наконец говорить по-японски и овладел тем самым простым и легким способом письма, который употребляется для оригинальных и переводных ученых сочинений.” Сначала его учил японскому переводчик хакодатского губернатора. По рекомендации последнего иеромонах Николай стал посещать частную школу известного своей редкостной эрудицией Кимура Кэнся. Там же он занялся изучением истории и литературы Японии, а также буддизма, синтоизма и конфуцианства. Помимо Кимуры Кэнся, его наставниками были Сага

Дзюан и Ниидзима Симэта. На кабинетные занятия ушло восемь лет. Практически все это время он занимался по 14 часов в сутки. Тогда же он стал посещать литературные собрания и языческие храмы. Д. М. Позднеев⁶ пишет: “Путем постоянного чтения японской литературы и постоянного общения с японцами отец Николай достиг удивительного знания японского разговорного и книжного языка. У него был сильный иностранный акцент, однако это не мешало ему быть понимаемым всеми японцами от мала до велика, богатство словаря и легкость построения фраз давали его речи силу, приводившую в восторг всех японцев... Фразы были краткие, обороты самые неожиданные, но чрезвычайно яркие и сильные.”

“Я старался сначала со всей тщательностью изучить японскую историю, религию и дух японского народа, чтобы узнать, в какой мере осуществимы там надежды на просвещение страны евангельской проповедью, и чем больше я знакомился со страной, тем более убеждался, что очень близко время, когда слово Евангелия громко раздастся теми быстро пронесется из конца в конец империи.”

Первые успехи

Первым обращенным в православие японцем стал Такума **Савабе** (1835-1913), бывший самурай клана Тоса, жрец старой синтоистской кумирни в Хакодате. Савабе состоял членом тайного общества, поставившего своей целью изгнать всех иностранцев из Японии, и был известен как превосходный фехтовальщик. В качестве учителя фехтования он и приходил к сыну русского консула И. А. Гошкевича. Некогда он странствовал по Японии, зарабатывая на жизнь уроками фехтования. Придя в Хакодате, он женился на дочери жреца синтоистской кумирни и принял не только его фамилию Савабе, но и наследственный жреческий сан и место служения своего тестя.

“Мирно и безмятежно жил Савабе в язычестве. Будучи жрецом древнейшей в городе кумирни, он пользовался уважением народа, получая значительные доходы и зная только довольство и счастье. В

семействе у него была прекрасная молодая жена, маленький сын и мать жены. Горд он был своим отечеством, верой своих предков, а потому презирал иностранцев, ненавидел их веру, о которой имел самые неосновательные понятия.”

Подробный рассказ об обращении сурового японца, происшедшем в 1864 году, приведен в книге А. Платоновой.

Савабе то и дело сталкивался с иеромонахом Николаем в доме консула и всегда смотрел на него с такой ненавистью, что однажды тот не выдержал и спросил:

— За что ты на меня так сердишься? Последовал совершенно определенный ответ:

— Вас, иностранцев, нужно всех перебить. Вы пришли выглядывать нашу землю. А ты со своей проповедью всего больше повредишь Японии.

— А ты разве уже знаком с моим учением?

— Нет, — смутился японец.

— А разве справедливо судить, тем более осуждать кого-нибудь, не выслушавши его? Разве справедливо хулить то, чего не знаешь? Ты сначала выслушай да узнай, а потом и суди. Если мое учение будет худо, тогда и прогоняй нас отсюда. Тогда ты будешь справедлив.

— Ну, говори!

Слова иеромонаха Николая потрясли самурая. Он испросил дозволения встретиться с иеромонахом вновь и продолжить беседу. Через некоторое время отец Николай уже писал митрополиту Исидору: “Ходит ко мне один жрец древней религии изучать нашу веру. Если он не охладает или не погибнет (от смертной казни за принятие христианства), то от него можно ждать многого.”

В письме от 20 апреля 1865 года иеромонах Николай пишет: “Жрец с нетерпением ждет от меня крещения. Он хорошо образован, умен, красноречив и всею душою предан христианству. Единственная цель его жизни теперь — послужить отечеству распространением христианства, и мне приходится постоянно останавливать его просьбы из опасения, чтобы он не потерял голову, прежде чем успеет сделать что-либо для этой цели.”

Об опасности положения Савабе позволяет судить следующий его рассказ: “Открыто читать эту книгу [Евангелие] я не мог, а читать хотелось. Вот я и выдумал читать ее в то время, когда совершал службы в своем мия [т.е. в языческом храме]. Положишь, бывало, перед собой Евангелие вместо языческого служебника, да и читаешь, постукивая в обычный барабан. Никто и не думал, что я читаю иностранную “ересь”.”

Вскоре Савабе привел к иеромонаху Николаю своего друга, врача Сакаи Ацунори. Через некоторое время к ним присоединился третий друг — врач Урано. Японцы стали самостоятельно проводить катехизаторские беседы, и к весне 1868 года уже насчитывалось до 20 человек, готовых принять крещение.

В это время в Нагасаки вновь начались гонения на католиков, в Хакодате же прибыл новый чиновник. В апреле 1868 года иеромонах Николай тайно крестил трех друзей в своем кабинете, после чего они покинули Хакодате. Это были Павел Савабе, Иоанн Сакаи и Иаков Урано. Именно тогда, за пять месяцев до наступления эпохи Мэйдзи, зародилась Японская Православная Церковь⁷.

На Савабе тут же обрушились тяжкие испытания. Его жена сошла с ума и через несколько месяцев в припадке болезни сожгла собственный дом. Савабе так и не нашел прибежища и в скором времени вернулся в Хакодате. Теперь он не имел не только средств к пропитанию, но и крова. Тогда же, в 1868 году, он был заключен в темницу. Святитель Николай писал: “Перед моими глазами совершился процесс

рождения человека к новой жизни благодатью Божьею, а за моими глазами начинался уже другой процесс — процесс испытания и укрепления сил новорожденного Павла.” Восьмилетний его сын по наследственному праву стал жрецом той же кумирни, что давало ему средства кормить себя и больную мать. Позднее Павлу Савабе было дано утешение видеть и сына своего христианином. Испытания лишь укрепили ревность Павла, и в 1875 году он был рукоположен в священника.

“Вторым христианином был у нас г-н **Сакай Иоанн**. Это был местный врач и близкий друг г-на Савабе, обращенного в христианство. Савабе старался склонить к тому же и своего друга, но Сакай был силен в диалектике, и трудно было победить его; тогда г-н Савабе стал почаще приглашать его ко мне, и мы вдвоем убеждали его. Наконец и г-н Сакай был крещен и даже посвящен в сан священника, в каковом сане скоро, по болезни, и скончался. Третьим христианином был г-н Урано Иаков, также бывший врач. За ним было совершено святое крещение в Хакодате над нынешним о. Иоанном Оно, а затем крестились и некоторые другие. Но означенные лица были главными из первых наших христиан. После того все более и более увеличивалось число принимающих святое крещение, и стала предвидеться возможность систематического распространения христианской веры в Японии. С этою именно целью, для получения на это официальных полномочий, я отправился на время в Россию и, получив там на это разрешение и благословение у Святейшего Синода, опять возвратился в Японию. По моем приезде скоро меня навестил г-н Савабе и, между прочим, сообщил мне о странном, во время моего отсутствия из Японии, поведении г-на Сакая, который проводил все время в заботах о возможно большей выручке денег из своих занятий, тогда как остальные христиане старались, напротив, всем делиться со своими братьями. Услышав об этом, я хотел было обличить г-на Сакая, но с приходом последнего дело тотчас выяснилось. Явившись ко мне, г-н Сакай представил собранные им сто иен (около двухсот рублей), которые пожелал употребить на дела

Церкви. Так разъяснилось недоумение г-на Савабе относительно странного по-видимому поведения г-на Сакая.

Другой, подобный по своей видимой странности, случай произошел с г-ном **Томи Петром**. В одно время все заметили его внезапное исчезновение куда-то. Никто не знал, куда он скрылся. Я спросил жену, но и она не знала, хотя ее лицо не выражало ни горя, ни даже особой озабоченности. Все это было весьма загадочно и продолжалось довольно долго. Но вот, спустя 11 дней после этого, однажды вечером, около одиннадцати часов, г-н Петр Томи является ко мне в сопровождении г-на Сакая. Вижу — худ до невероятности, кости сильно выдались на совершенно изменившемся в своем цвете лице; просто жалко было смотреть на него. На мои вопросы, где он был и почему так сильно исхудал, он ответил, что все это время он проводил в воздержании от сна и пищи и в молитве о скорейшем просвещении братьев-язычников тем светом истины, которого он сам недавно сподобился. Услышав обо всем этом, я был очень изумлен столь трогательным проявлением горячей верности по вере. Но все-таки я должен был заметить ему, что такое дело впредь нужно совершать согласно с установлениями Церкви, ибо иначе можно принести сильный вред своему здоровью.”

Помощь из России

В конце 1869 года иеромонах Николай, испросив отпуск, отправляется в Россию ходатайствовать перед Святейшим Синодом о разрешении открыть в Японии русскую духовную миссию.

В Россию иеромонах Николай приехал в феврале 1870 года. Его ходатайство было удовлетворено 6 апреля 1870 года Александр II высочайше утвердил определение Святейшего Синода об учреждении в Японии русской духовной миссии в составе начальника миссии, трех иеромонахов-миссионеров и причетника. Половину намечаемых расходов брало на себя казначейство, другая половина была отнесена

за счет типографского капитала духовного ведомства. Всего духовной миссии ассигновалось 6000 рублей в год и 10000 рублей единовременно. Миссионерские центры располагались в Токио, Киото, Нагасаки и Хакодате. Начальником миссии был назначен иеромонах Николай с возведением в сан архимандрита. Миссия подчинялась ведению Камчатского епископата. Обязанности миссионеров были изложены в “Инструкции для миссии,” представленной иеромонахом Николаем и утвержденной Синодом.

Сам архим. Николай писал в 1879 г.: “Характерно для Православной Японии то, что православная миссия, всего 8 лет существующая, при двух за это время существующих миссионерах, без всяких определенных материальных средств, числом христиан была уже вдвое сильнее, чем католическая и все протестантские миссии вместе взятые.”

Перед отъездом в Японию архимандрит Николай смог повидаться со стариком отцом.

В Хакодате он вернулся в марте 1871 года. Проповедь Евангелия продолжалась и в его отсутствие. В конце года архимандрит Николай крестил в Сендае одиннадцать человек.

В 1872 году в Хакодате прибыл иеромонах Анатолий (Тихай), кандидат Киевской духовной академии⁸. Архимандрит Николай отзывался о нем так: “Лучших помощников я не желал бы!” Он оставляет хакодатскую церковь на о. Анатолия и 4 февраля 1872 года перебирается в Токио.

Переводы Священного Писания и других необходимых книг

Главным делом святителя, начатым еще в Хакодате, был перевод на японский язык Священного Писания и богослужебных книг. Еще в 1869 году святитель Николай писал: “Из всего вышесказанного доселе, кажется, можно вывести заключение, что в Японии, по крайней мере в ближайшем будущем: жатва многа. А деятелей с нашей стороны нет ни одного, если не считать мою, совершенно частную, деятельность... Пусть бы я и продолжал свои занятия в прежнем направлении, но силы одного человека

здесь почти то же, что капля в море. Один перевод Нового Завета, если делать его отчетливо (а можно ли делать иначе?), займет еще по крайней мере два года исключительного труда. Затем необходим перевод и Ветхого Завета; кроме того, если иметь хоть самую малую христианскую Церковь, решительно необходимо совершать службу на японском языке; а прочие книги, как Свящ. история, Церковная история, Литургика, Богословие? Все это тоже предметы насущной необходимости. И все это, и другое подобное нужно переводить на “японский,” о котором еще неизвестно, дастся ли он когда иностранцу так, чтобы на нем можно было писать хотя бы наполовину так легко и скоро, как иностранец обыкновенно пишет на своем.” Много позднее он пишет, что в переводческих трудах “заключается вся суть дела миссии. В настоящее время вообще работа миссии, в какой бы то ни было стране, не может ограничиваться одною устною проповедью. Времена Франциска Ксаверия, бегавшего по улицам с колокольчиком и сзывавшего таким путем слушателей, прошли. В Японии же, при любви населения к чтению и при развитии уважения к печатному слову, верующим и оглашаемым прежде всего нужно давать книгу, написанную на их родном языке, непременно хорошим слогом и тщательно, красиво и дешево изданную. Особенное значение у нас имеют книги, выясняющие вероисповедные разности с католичеством и протестантством.”

11. Проект храма принадлежит петербургскому архитектору Михаилу Арефьевичу Щурупову. Иконостас, погибший во время землетрясения 1923 года, был расписан петербургским же иконописцем Василием Макаровичем Пошехоновым. Пожертвования на возведение храма шли со всей России. Одна Москва пожертвовала 200000 рублей, что составляло до 40 процентов от стоимости всех работ.

12. Визит в Японию наследника российского престола также был приурочен к этому событию, однако после инцидента в Оцу цесаревич покинул Японию.

В Хакодате, за неимением перевода богослужение совершалось на церковнославянском языке, на японском же языке пелись и читались только “Господи, помилуй,” “Святой Боже,” “Верую” и “Отче наш.” При переводе молитвы “Господи, помилуй” возник вопрос, как следует переводить слово “помилуй,” которое зачастую воспринимается как помилование преступника. Епископ Николай говорил: “У нас таких отношений с нашим Богом нет. Мы возьмем слово “аварема.” Так мать “милует” ребенка, “жалеет” в исконном древнерусском смысле.” Там же, в Хакодате, святитель Николай начал переводить Писание с китайского языка, однако вскоре убедился в несовершенстве китайских переводов и перешел к переводу Нового Завета с церковнославянского, который считал точнее русского. Каждый стих сверялся с Вульгатой, Септуагинтой и английским переводом. В трудных местах святитель опирался на толкования святого Иоанна Златоуста. За 4-5 часов работы ему удавалось перевести не более 15 стихов. После того как святитель закончил свой труд по переводу Евангелий и Апостола (первый его вариант), они также стали читаться по-японски. В числе прочего в Хакодате были переведены Послания апостола Павла к Галатам, Ефесянам, Филиппинцам и Колосс Янам, а также половина Послания к Римлянам. Тогда же им были переведены краткий молитвослов (с китайского), чин крещения и присоединения иноверных, “Православное вероисповедание” святителя Дмитрия Ростовского, катехизис для оглашенных, краткое изложение Ветхого Завета, “Толковое Евангелие” епископа Михаила и “Нравственное богословие” митрополита Платона.

13. Во время Кантонского землетрясения 1923 года купол обрушился, а все убранство собора и иконостас погибли в огне пожара. Сгорела и библиотека миссии, насчитывавшая до 30 тыс. томов. Были утрачены даже расплавленные от сильнейшего жара колокола. На экстренном соборе 20 октября 1923 года было решено восстановить храм. 15 декабря 1929 года храм был освящен после восстановления. Перестраивавший собор японский архитектор Синити Окада не стал менять общих пропорций строения, но

придал куполу едва заметный изгиб, заимствованный из буддийской храмовой архитектуры и символизирующий парение птицы или полет ввысь.

Переехав в Токио, святитель Николай прежде всего перевел Октоих, затем Цветную и Постную Триоди, одновременно занимаясь новым переводом Евангелия. Из Ветхого Завета им были переведены все части, необходимые для совершения годичного круга богослужений. Он не доверял менее педантичным переводам католиков и протестантов и потому старался даже не читать их, опасаясь подчиниться им или невольно заимствовать из них что-либо. Заветной мечтой святителя был перевод всей Библии. В 1910 году он говорил, что по его расчетам для завершения этого труда ему требовалось еще пять лет.

“Не перевод Евангелия и Богослужения должен опускаться до уровня развития народной массы, а наоборот, верующие должны возвышаться до понимания евангельских, и богослужебных текстов. Язык вульгарный в Евангелии недопустим. Если мне встречаются два совершенно тождественных иероглифа или выражения и оба они для японского уха и глаза одинаково благородны, то я, конечно, отдам предпочтение общераспространенному, но никогда не делаю уступок невежеству и не допускаю ни малейших компромиссов в отношении точности переводов, хотя бы мне и приходилось употребить и очень малоизвестный в Японии китайский иероглиф. Я сам чувствую, что иногда мой перевод для понимания требует большого напряжения со стороны японцев. Но это в значительной мере объясняется новизной для них самого православия...”

Ряд трудностей и опасностей при переводе был связан и с тем, что многие иероглифы веками использовался буддистами и синтоистами, что придавало им вполне определенный смысловой оттенок, делавший невозможным или рискованным их употребление в православном контексте¹⁴. В ряде случаев

святитель рассылал перевод того или иного стиха или понятия по приходам с обращенной к духовенству и мирянам просьбой высказаться о нем.

В течение тридцати лет ровно в шесть вечера в келью владыки входил его постоянный сотрудник по переводам Павел Накаи, человек прекрасно образованный, необычайно трудолюбивый и всецело преданный православной вере. Он садился на низенький табурет рядом с епископом и начинал писать под его диктовку. Работа продолжалась обычно четыре часа и заканчивалась в десять вечера.

“Передо мной лежат славянский и греческий тексты богослужения, с книгами под рукою, способствующими правильному уразумению его. У моего сотрудника под руками китайские и японские лексиконы и грамматики, также перед нами китайский текст богослужения, заимствованный нами из Пекина от нашей Миссии. Смотря в славянский текст и проверяя его греческим, я диктую перевод, стараясь выразить смысл с буквальной точностью; сотрудник записывает китайскими иероглифами вперемешку с японскими алфавитными знаками. Трудности перевода в этой стадии заключаются в том, что японская грамматика противоположна нашей, т.е. по-японски поставить подлежащее надо впереди, между ним и сказуемым должно вместить все, что есть в переводе, сколько бы ни было придаточных и вводных предложений, все они должны встать впереди главного сказуемого; в каждом придаточном и вводном — то же расположение частей.

Когда песнь или молитва продиктована и синтаксическое отношение части ее установлено, тогда начинается отделка написанного, причем моя главная забота — не дать ни на йоту уклониться от смысла текста; сотрудник же мой с не меньшей заботой хлопочет в интересах правильности и изящества грамматической и стилевой конструкции речи. Эта часть работы самая трудная и кропотливая. Тут-то особенно нужна китайско-японская ученость, потому что, во-первых, нужно отчетливо знать смысл каждого китайского знака, чтобы из многих однозначных иероглифов выбрать наиболее

употребительный и понятный, во-вторых, нужно обсудить, оставить ли за иероглифом китайское произношение или дать ему японское, потому что иероглифы, переходя из Китая в Японию, принесли с собою китайское однозвучное чтение, которое остается за ними и доселе и которое в полном объеме доступно только глубоким ученым, но которое, грациями сокращаясь и спускаясь вниз, в значительной степени проникло до самых низких слоев народа; в то же время почти каждый знак переведен по-японски и имеет свое японское чтение. Чему следовать? По-видимому, нужно бы держаться чисто японской речи, но весьма часто случается видеть, что японское чтение знака даже для необразованных людей бывает менее понятно, чем китайское. В-третьих, нужно подумать и о том, оставить ли знаки без японской алфавитной транскрипции или, по трудности знаков либо по двусмысленности их, подставить ее и в какой мере. Одним словом, нужно решить, какой язык усвоить переводу. Примысли о важности того, что переводим, любезен нам самый почтенный язык ученый, который не стесняется много ни знаками, ни произношением их и не нуждается ни в какой транскрипции; но этот язык был бы неудобен и для средних ученых, а для мало ученых и совсем непонятен. При мысли о том, что переведенное нами должно быть доступно всем и что в этом именно и должно состоять главное его достоинство, влечет нас к себе язык массы, язык народный, но тогда перевод наш вышел бы до того вульгарным, что им сразу пренебрегли бы все, не составляющие простонародья. Положено нами употреблять язык средний. Этому стараемся и следовать, хотя, по неопределенности признаков и неясности границ, здесь широкое поле для нескончаемых споров, в которых я всячески стараюсь отстаивать наибольшую общепонятность, а мой сотрудник — защититься от вульгаризмов и соблудности изящности речи. Когда наконец все эти трудности удалены, текст перевода установлен и переведена вся книга, мы опять ее проходим, тщательно сверяя с оригинальным текстом, наблюдая, чтобы по всей книге для одних и тех же оригинальных слов и выражений были употреблены и те же переводные иероглифы и чтения.”

Из бывших студентов семинарии составилась целый коллектив переводчиков, работавших над переводом не только русской богословской, но и русской художественной литературы (первоначально в переводческий отдел входили только лица, получившие духовное образование в России, затем в нем стали работать и японцы). Среди них были ректор семинарии Иван Сенума и его супруга Анна Лукинична Сенума, профессор философии и богословия семинарии Кониси Масутаро, прошедший 10 лет в России (позднее перешел в протестантство), знаменитый переводчик и ученый Нобори Сёму. Святитель писал: “Пусть переводят и читают. Узнав русскую литературу, узнав Пушкина, Лермонтова, гр. Толстых, Достоевского, нельзя не полюбить России.”

Война

С 1900 года вновь усилились антирусские настроения, которые не могли не сказаться и на отношении к церкви. Д. М. Позднеев приводит характерную выдержку из газеты “Нихон”: “Православная церковь является злостным местом, откуда сыплются проклятия на голову Японии и где молятся о ее поражении. Она всегда была центральным агентством шпионов, состоящих на русской службе. Японцам ненавистен купол русского собора, который, возвышаясь надо всем городом, как бы шлет презрение самому императорскому дворцу, ненавистен храмовый колокол, который каждое воскресное утро своим гвалтом докучает мирному сну жителей.”

После того как в 1902 году был заключен союз между Японией и Великобританией, стало очевидно, что война Японии с Россией неизбежна. На соборе 1903 года епископ Николай вынужден был отвечать на чрезвычайно волновавший японских православных христиан вопрос, должны ли они участвовать в войне против России. Он ответил, что те должны будут выполнить свой долг перед своей

родиной вместе со всем народом. В случае начала войны они должны будут относиться к России как к неприятелю, но “воевать с врагами не значит ненавидеть их, а только защищать свое отечество.”

5 февраля 1904 года Япония разорвала дипломатические отношения с Россией. Два священнослужителя, работавших в то время в миссии, вернулись домой. Духовенство и миряне японской церкви обратились к своему епископу с просьбой остаться в Японии. Епископ Николай отвечал, что он уже принял пред Богом решение остаться в Японии, в своей маленькой квартирке при соборе. “Я надеюсь, что объявление военных действий не принесет с собою никакой перемены в деятельности нашей церкви. Катехизаторы будут продолжать проповедовать Евангелие Спасителя, ученики — посещать школу миссии, а я сам отдамся всецело переводу наших богослужебных книг...”

Сегодня по обычаю я служу в соборе, но отныне впредь я уже не буду принимать участия в общественных Богослужениях нашей церкви... Доселе я молился за процветание и мир Японской империи. Ныне же, раз война объявлена между Японией и моей родиной, я, как русский подданный, не могу молиться за победу Японии над моим собственным отечеством. Я также имею обязательства к своей родине и именно поэтому буду счастлив видеть, что вы исполняете долг в отношении к своей стране.” Во все приходы японской православной церкви, встревоженные объявлением войны с Россией, было разослано “Окружное письмо,” в котором епископ благословлял японских христиан исполнить свой долг верноподданных, но напоминал: “Кому придется идти в сражения, не щадя своей жизни, сражайтесь — не из ненависти к врагу, но из любви к вашим соотечественникам... Любовь к отечеству есть святое чувство... Но кроме земного отечества у нас есть еще отечество небесное... Это отечество наше есть Церковь, которой мы одинаково члены и по которой дети Отца Небесного действительно составляют одну семью... И будем вместе исполнять наш долг относительно нашего небесного отечества, какой кому надлежит... И вместе с тем будем горячо молиться, чтобы Господь поскорее восстановил нарушенный мир...”

Святитель прекратил всяческую переписку с Россией и всецело посвятил себя переводческой работе.

Когда в Японию стали прибывать русские пленные (общее их число достигало 73 тысяч), святитель Николай с согласия японского правительства образовал Общество духовного утешения военнопленных. Для окормления пленных им были отобраны пять священников, владевших русским языком. Каждого пленного, прибывшего в Японию, японская церковь благословила серебряным крестиком. Пленные снабжались иконами и книгами. Сам владыка неоднократно обращался к ним письменно.

Деятельность епископа Николая во время войны была крайне высоко оценена не только в Японии, но и в России. Император Николай II писал епископу Николаю в конце 1905 года: "...Вы явили перед всеми, что Православная Церковь Христова, чуждая мирского владычества и всякой племенной вражды, одинаково объемлет все племена и языки. <...> Вы, по завету Христову, не оставили вверенного Вам стада, и благодать любви и веры дала Вам силу выдержать огненное испытание брани и посреди вражды бранной удержать мир, веру и молитву в созданной вашими трудами церкви."

Редкий такт и мудрость, проявленные святителем Николаем в годы войны, еще более повысили его престиж в глазах японского общества, когда война кончилась. Этот престиж святого способствовал быстрому преодолению психологических последствий войны и расчистил пути к русско-японскому сближению, которое продолжалось до 1917 года.

Послевоенное время принесло новые испытания. Поток пожертвований на православную миссию в Японии из России почти прекратился. Вследствие этого миссия вынуждена была уволить 30 катехизаторов и закрыть катехизаторское училище.

В 1908 году на Киотоскую кафедру прибыл епископ Сергей (Тихомиров)¹⁵. Он быстро овладел японским языком и занялся активной миссионерской деятельностью, разъезжая по всей Японии. Его

появление весьма утешило архиепископа Николая, писавшего: “Теперь я могу спокойно умереть в уверенности, что дело миссии в добрых руках,” а также: “...еще бы нам надо двух таких же ревностных миссионеров. Молим об этом Бога и обращаем взоры на Россию.”

Последние годы жизни и кончина

В июле 1911 года было торжественно отмечено пятидесятилетие служения отца Николая на японской земле. Епископ Сергей (Тихомиров) писал: “Вот начали съезжаться со всех концов Японии иереи, катехизаторы... Их только одних было свыше 120 человек, а поусердствовали и многие провинциальные христиане. И вот 75-летний старец ежедневно с раннего утра до позднего вечера сидел в своей комнате и выслушивал доклады иереев о состоянии их приходов, рассказы катехизаторов о проповеди в пределах их ведения или любезно беседовал с какой-нибудь бабушкой, прибывшей из далеких краев. Начался собор... А на нем разве мало дела, волнений? Празднование юбилея... В течение одного дня литургия, молебн, обед в отеле с почетными гостями, музыкальный вечер. Этим мы, молодые, закончили. Но 75-летний старец был приглашен на собрание бывших воспитанниц Суругадайской школы. И пошел. И не столько слушал, сколько говорил и поучал. Нужно было удивляться тому, как мог вынести владыка такой день... А и завтра не обещало отдыха. Долгое, часа на четыре, чтение адресов. А вечером обед на дворе миссии, с сотнями христиан... Но мне кажется, и этот день прошел бы для почившего сравнительно благополучно, если бы не заключительный момент... Воодушевленный речами, владыка встал, с необыкновенной энергией как-то вздернул головой и голосом, которого достало на всю широкую площадь, занятую обедавшими сотнями христиан, предложил спеть японский гимн в честь Его Величества, императора Японии, благодаря религиозной терпимости которого христианство получило возможность не только распространяться, но и пользоваться если не покровительством, то, во всяком

случае, полным благополучием. Нужно было видеть необыкновенное возбуждение владыки, его покрытое румянцем лицо. Нужно было слышать, как владыка не только первый запел гимн, но и пел его до конца... Нужно было видеть этот молодой огонь в столь немолодом уже организме. И тогда ясно было бы каждому, что этот момент не мог для расстроенного сердца владыки пройти бесследно...”

Нервное напряжение и переутомление этих дней обострили сердечную астму, которой страдал владыка. Силы его стали быстро таять.

Незадолго до кончины владыка говорил епископу Сергию: “...Роль наша не выше сохи. Вот крестьянин пахал, соха износилась. Он ее и бросил. Износился и я. И меня бросят. Новая соха начнет пахать. Так смотрите же, пашите! Честно пашите! Неустанно пашите! Пусть Божье дело растет! А все-таки приятно, что именно тобой Бог пахал. Значит — и ты не заржавел. Значит, за работой на Божьей ниве и твоя душа несколько очистилась, и за сие будем всегда Бога благодарить.”

В последний раз архиепископ Николай служил в первый день Рождества Христова 1912 года. Через несколько дней его положили в больницу св. Луки в Цукидзи. Однако 5 февраля владыка, спешивший закончить свои дела, настоял на том, чтобы его доставили обратно на Суругадай, и вновь вернулся к переводческой работе. 13 февраля им было составлено последнее донесение Синоду о состоянии дел в миссии.

15 февраля владыка потребовал возобновления проходивших обычно в соседней комнате и отмененных по рекомендации врачей занятий хора и попросил исполнить любимое им “На реках Вавилонских.”

Ночью начался бред, во время которого умирающий несколько раз произнес слово “Воскресение.” 16 февраля в четверть восьмого зазвонил большой храмовый колокол, извещавший о кончине святителя Николая.

15. Митрополит Сергей (Тихомиров) был арестован в апреле 1945 года как “русский шпион.” Умер 10 августа этого же года.

Епископ Сергей пишет: “Не стонет уже владыка. Не делает ему впрыскиваний сестра. Лишь тихое чтение Слова Христова, на служение которому владыка отдал всю свою святую жизнь, нарушает таинство смерти, столь очевидное у постели еще так недавно, всего вчера, оживленно беседовавшего и составлявшего план на 10-летнюю работу. <...>

Тело высокопреосвященного архиепископа лежало в крестовой церкви... В субботу 4 февраля [ст.] утром и вечером после всенощного бдения, в воскресенье после литургии и вечером, в понедельник 6 февраля утром и вечером здесь были совершены торжественные панихиды, всегда в переполненной церкви. Владыка лежал еще не в гробе, ибо гроб не был готов. Чудный обычай мне пришлось наблюдать в эти дни, впервые за время своей службы в Японии! Известная группа христиан, по взаимному соглашению, приходит к телу почившего с вечера и бодрствует до утра, слушая чтение Евангелия.

Тело владыки было отерто святым елеем от мощей святителя Иоасафа Белгородского. На деньги, пожертвованные А. П. Синельниковой, был куплен небольшой участок земли на кладбище Янака (район Уено), где 22 февраля и было совершено его погребение.

С утра на четырех престолах было отслужено четыре литургии об упокоении души архиепископа Николая. В 11 часов в соборе Воскресения Христова началось отпевание, совершавшееся, главным образом, по-японски. Среди прочих венков выделялся венок от императора Японии — этой чести иностранцы удостоивались исключительно редко. После отпевания гроб был обнесен вокруг собора и установлен на колесницу. Похоронная процессия, растянувшаяся на десять километров, направилась к кладбищу. “Рвет неистово хоругви наши ветер. Пришлось их нести в опущенном положении. Идут

воспитанники, воспитанницы. Все в однообразных костюмах. У всех в руках пальмовые ветви, символ веры в победу дела владыки в Японии. Многочисленные цветы, сотни венков. Святые иконы, кресты. Иереи, диаконы в священных облачениях... Многие катехизаторы в стихарях. В полном облачении с посохом в руках епископ. Ордена владыки. Все принадлежности архиерейского сана, носившиеся владыкою. В заключение колесница с дорогим гробом, представитель России в шитом золотом придворном мундире. И лента, бесконечная лента христиан...”

Собор Свят. Николая

Для осуществления замысла о строительстве собора необходимы были большие деньги и общественная поддержка. Для сбора средств архимандрит Николай отправился в Россию. В 1879 — 1880 году он посетил Санкт-Петербург, Москву, Казань, Киев, Одессу и собирал добровольные пожертвования.

В России большую поддержку миссии всегда оказывал министр народного просвещения, а позже член государственного совета — граф Ефимий Васильевич Путятин. В 1853 году вице-адмирал Путятин на флагманском фрегате “Паллада” “открыл Японию” для русского флота, он же установил дипломатические отношения между двумя странами и подписал первый официальный договор о дружбе между Японией и Россией. Влиятельный человек в светских и политических кругах Петербурга, Путятин относился к Николаю, как к родному сыну, и с любовью заботился о нуждах миссии. Дочь адмирала Ольга тоже была дружна с отцом Николаем и в 1884 году монахиней приехала в Японию помогать ему в миссионерской деятельности.

Видя успехи миссии в Японии, Святейший Синод принял решение о назначении туда епископа. Кандидатуры кроме самого Николая невозможно было представить. 30 марта 1880 года он был

хиротонисан в Александро-Невской лавре. Возвращаясь обратно на свою вторую родину пароходом Добровольно флота, преосвященный Николай посетил Палестину, поклонился гробу Господню и привез в Японию пальмовую ветвь.

Первоначально эскиз будущего храма разработал петербургский архитектор, профессор А. Шурупов. Здание в плане напоминало греческий крест, купола были продуманы в византийском стиле. Николай купил участок земли на вершине холма Суруга-дай в районе Канда, где в средневековые времена возвышалась пожарная каланча, служившая одновременно маяком для судов, входивших в порт Эдо (старый Токио). Строительство вел английский зодчий Джошуа Кондер, который на рубеже 19-20 веков, построил более 50 зданий в Токио, в том числе, и императорский дворец. Через 7 лет в 1891 году Кондер вручил епископу Николаю ключи от кафедрального собора Воскресения Христова. На освящении присутствовало 19 японских священников и более 4 тысяч христиан. Православный храм, именуемый в народе “Николай-до” (дословно — “храм Николая”), скоро стал достопримечательностью японской столицы. Русские моряки узнавали в его очертаниях образ главного храма российского флота — Морского собора Св. Николая в Кронштадте. До сильнейшего, разрушавшего Токио, землетрясения 1923 года, после которого началось многоэтажное строительство, удачно расположенный православный кафедральный собор, был одним из самых высоких зданий в городе. Это вызывало нападки: “неуважительно, что собор возвышается над императорским дворцом,” “это проявление произвола со стороны России.”

Впрочем, масштаб строительства и место, которое занял собор в японской столице, соответствовал масштабу личности самого Николая и той роли, которую он стал играть к тому времени в японском обществе. Епископ пользовался огромным уважением, много его почитателей было как в России, так и в Японии. К его авторитету прибегали по очень широкому кругу вопросов, от востоковедческих статей до

межгосударственных отношений. Дипломатические качества епископа Николая особо проявились в разрешении конфликта из-за известного “инцидента в Оцу,” когда было совершено покушение на наследника российского престола Николая Александровича.

Это был беспрецедентный случай. На русского цесаревича, посетившего Японию по приглашению японского императора и которому последний гарантировал безопасность, напал полицейский из состава охраны. Япония оказалась перед лицом скандального дипломатического провала, и даже перед угрозой безопасности страны, так как в то время семи военным кораблям России, сопровождавшим престолонаследника, ничего не стоило уничтожить весь японский флот. О гневе русских говорил факт их отказа от услуг японских врачей, присланных императором, хотя рана была пустяковой. Сам император поспешил лично приехать к Николаю Александровичу, проводил его до порта и даже поднялся на борт русского военного корабля — поступок немыслимый для правящего японского монарха. В события вмешались российский посланник Шевич и епископ Николай. Николай особенно усердствовал и, в частности, больше других уговаривал своего тезку не доводить дело до войны с Японией. Цесаревич принял извинения японского императора. Инцидент разрешился мирно.

В 1910 году торжественно отмечался 50-летний юбилей служения Николая в Японии. Святейший Синод возвел его в сан архиепископа. Николая поздравляли и японский император, и губернатор Токио, японская пресса, иностранные миссии. В речи губернатора Токио содержались такие слова: “...Мне кажется, что те заслуги, какие оказал нашему государству маститый учитель Николай, не ограничиваются успехами одного только миссионера, но также заключается в том, что он содействовал цивилизации в нашей стране...”

О русской миссии восторженно отзывались другие иностранцы в Японии. Из английского отчета: “Наряду с Англиканскою Японскою Церковью стоит великолепная Русская Миссия под водительством лучшего христианина в Японии, Архиепископа Николая...”

Сам владыка о своих заслугах рассуждал так: “Разве есть какая-нибудь заслуга у сохи, которою крестьянин вспахал поле? Разве может она хвалиться: “Глядите-ка, православные, что я наделала!...” Роль наша не выше сохи. Вот крестьянин попахал, соха износилась. Он ее бросил. Износился и я. И меня бросят. Новая соха начнет пахать. Так смотрите же, пашите! Честно пашите! Неустанно пашите! Пусть дело Божье растет!

А все-таки приятно, что именно тобой Бог пахал. Значит, и ты не заржавел. Значит, за работой на Божьей ниве и твоя душа несколько очистилась. И за сие будем всегда Бога благодарить.”

Слова и наставления Николая Японского

Уготови душу твою во искушение

Слово св. Николая Японского на Соборе Японской Церкви в июле 1887 года

В Священном Писании сказано: “Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения; прилепись к Нему и не отступай, дабы возвеличиться тебе напоследок. Все, что ни приключится тебе, принимай охотно, и в превратностях твоего уничижения будь долготерпелив” (Сир. 2:1–3). Все мы, здесь находящиеся, конечно, приступили работать Богу и, таким образом, хорошо знаем, что служить

Богу — значит понуждать себя на труд. Но мы знаем также, что в этом служении заключается и великая радость. Ибо Бог всевидящий не только видит работающих Ему, но и помогает им, и милостивый любит их. Однако путь работания Богу исполнен опасностей и преткновений, немощей и падений, поэтому и учит нас Священное Писание, что если хочешь служить Господу Богу, то приготовь душу свою к искушениям.

Искушения бывают двух видов: первый вид – испытания, приходящие свыше; второй – соблазны снизу. Об искушениях свыше Писание говорит нам следующее: *“Как огнем испытывается золото и серебро, так Бог испытывает сердце человека”* (Притч.17:3). Золото бывает чистое, бывает с примесью, а бывает и поддельное. При испытании огнем чистое золото не терпит никакого ущерба, но напротив становится еще более прекрасным; от золота с чуждыми примесями отделяется его чистая часть; а поддельное золото в конце концов обращается в нечто, не имеющее никакой цены. Подобным образом и добродетели человека могут быть настоящими, могут быть и смешанными с самомнением и гордостью или другими страстями, а могут быть и вовсе поддельными, ненастоящими, как это было у лицемерных фарисеев. Таким образом, искушения, приходящие свыше, определяют качество добродетелей человека. Бог с самого начала знает сердце человека, поэтому искушения посылаются не для того, чтобы Бог узнал, каковы наши добродетели, но делается это для самого человека, чтобы тот, если увидит в них примесь лжи и подделки, покался и обратился бы к добру. Да не лишимся и мы подобных искушений, приходящих свыше.

Но, кроме этого, существует еще один род искушений, а именно соблазны, приходящие от диавола, который влагает тьму в мысли человека, вливает различного рода нечистоту в его сердце, приводит его в смятение и, таким образом, приводит человека к злым делам с той целью, чтобы отвратить от Бога души людей, работающих Ему.

Мы, приступившие работать Богу, должны всегда помнить, что мы находимся посреди этих искушений и соблазнов. В Писании сказано: *“Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить”* (1 Пет. 5:8–9). Все катехизаторы и священники находятся под пристальным вниманием диавола, который, желая их победить, выпускает множество огненных стрел. Самая вредоносная из этих стрел – это самодовольство и гордость. Ибо множество катехизаторов расходятся на проповедь еще совсем молодыми, а люди уже зовут их учителями и наставниками. Ничего удивительного в том, что диавол, пользуясь этим, с легкостью влагает в них гордость; и сколько уже служителей Церкви было сражено этой стрелой! Каждый год я выпускаю много катехизаторов, но немало из них падает. Какая же причина тому? Все это от самодовольства и гордости. Если кто-то из христиан пытается увещевать их, то они, наоборот, приходят от этого в гнев. Много еще и других огненных стрел у диавола, которыми он сражает не могущих противиться ему. Таковы без исключения все те, кто был исключен из списка катехизаторов. И сколько, братья, таких, приступивших работать Богу, но не сумевших пройти искушения и павших. Как же это прискорбно!

Поэтому очень важно, чтобы мы всегда готовили себя к искушениям, ибо это является основанием нашей силы. Если же мы не будем готовить себя, то всегда будем побеждаться соблазнами. Таковых диавол будет поражать своими стрелами и убивать. Сейчас, перед началом Собора, я, вспоминая прошедшее и представляя перед собой грядущее, решил, что все это необходимо сказать вам как наиглавнейшее и наиважнейшее.

О том, какие способы необходимо употреблять нам для того, чтобы приготовить себя к искушениям, ясно говорит нам Священное Писание.

Во-первых, *“приготовь сердце твое”* (Сир. 2:2), то есть храни сердце твое, исправь дела твои и приобрети добродетели, и таким образом избежишь впадения в соблазн. Подобно тому, как кораблю, если

за ним хорошо следить и хорошо управлять им, не будут страшны ни бури, ни бушующие волны, но если не следить за ним хорошо, есть опасность, что он потерпит крушение; и подобно тому, как лошадь, если ею не управлять как следует, может понести и она в конце концов перевернется или упадет в яму, так и сердце человека: если не управлять им хорошо, что с ним произойдет? Только то, что диавол, подходя к нам, станет влгать в наши мысли разные злые замыслы и приведет в беспорядок наше сердце и наши дела.

Во-вторых, *“будь долготерпелив.”* Человек изначально удобопреклонен ко злу, поэтому для того, чтобы победить искушения, необходимо с готовностью терпеть разного рода труды и скорби, сдерживать себя и направлять свое сердце к истине. Если мы не претерпим трудов и скорбей, то мы не сможем преодолеть ничего, ибо без трудов и скорбей кто может победить врага?

В-третьих, *“прилепись к Богу и не отступай от Него”* (Сир. 2:3). Прилепившись к Богу, мы будем безопасны в любых искушениях, подобно тому, как кораблю, достигшему гавани, уже нестрашны бури.

Такое слово я пожелал сказать вам, братия, перед началом Собора и хочу, чтобы вы положили это слово в сердцах ваших и хранили его.

Из письма к митрополиту Макарию (Невскому)¹

Ваше дорогое письмо от 4 ноября прошедшего года я получил 30 декабря. Благодарю Вас за известия, как ни грустны они. Ряд поражений во внешней войне, непрестанные волнения и кровопролитие внутри, – видимо, оставил Бог Россию, или, лучше, не устает рука Божия карать наше бедное Отечество!

¹ Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Коломенский (1835–1926). Митрополит Московский и Коломенский (1912–1917), митрополит Алтайский (с 1920), выдающийся миссионер, просветитель народов Алтая.

Но, конечно, мы твердо веруем, что это – бичующая десница любвеобильного Отца, исправляющего Свое в беззакониях погрязшее чадо. Эта вера – единственное утешение наше в настоящие темные дни, когда над Россией еще висит туча, по-видимому чреватая многими молниями и громами. «Теперь мы можем завидовать вам», – изволите писать. Да, здесь революции нет, спокойно: но душевного беспокойства здесь едва ли не больше, чем у Вас: думы тем мучительнее, что их и разделить, разговорить не с кем.

По Церкви здесь, слава Богу, все благополучно. Проповедь идет гораздо оживленнее, чем во время войны, так как священники, служившие у военнопленных, возвратились к своим паствам. Притом же с военным пороховым дымом улетели на воздух и предубеждения против Православия, идущего из России, будто оно есть только замысел завоевать Японию и подобное. Несколько молодых катехизаторов взято было на войну; по возвращении они тотчас же попросились опять на церковную службу и ревностно продолжают ее. Слушатели вероучения везде есть, и от священников частые извещения-известия о совершённых крещениях. Собор у нас в нынешнем году будет особенно большой и, даст Бог, еще ныне оживит Церковь. Словом, здесь все ободряет. Вот только помощника у меня нет. Стар уже я стал, – одной ногой стою в могиле, – 70 лет, а одинодинешенек, не на кого будет оставить Церковь; это моя обычная печаль. И тут одно утешение: церковное дело – не наше собственное дело, а общее; мы – слуги; как хозяину угодно будет распорядиться, так и пусть будет!

Прося архипастырского благословения и святых молитв Ваших для сей и здешней Миссии Церкви, с истинною душевною преданностью и с глубокою благодарностью за Ваше доброе благо[твор?]ное отношение к здешней Миссии и Церкви имею честь быть Вашего Преосвященства покорнейшим послушником и богомольцем начальник Российской духовной миссии в Японии

*Николай, епископ Ревельский
Токио, 14 апреля 1906 года*

*** **

Высокопреосвященный владыко, милостивейший архипастырь и отец!

Давно уже я получил Ваше дорогое письмо и Ваш дорогой подарок – две книги. За то и другое приношу Вашему Высокопреосвященству глубочайшую благодарность. Книги прочитаны, переплетены и введены в каталог миссийской библиотеки, на всегдашнюю память о жертвователе и на благо читающим. На письмо отвечаю прежде всего сердечною благодарностью за Ваш братский привет с долгим служением и с архиепископским саном, совершенно не заслуженным мною. В преемники себе жду архимандрита Андроника [Никольского]², уже служившего здесь, но захворавшего неврастением и уехавшего. Ныне он ректор Уфимской семинарии и от болезни совсем, по-видимому, оправился. Святейший Синод, кажется, пришлет его сюда в сане викария, чему я буду весьма рад, так как архимандрит Андроник в достаточной мере обладает душевными качествами, потребными для доброго миссионера. Всегда рад я, что Вы полюбили японцев и делаете такой добрый отзыв о них; а как я ободрен и польщен Вашими добрыми словами, что Вы «пошли бы служить миссионером в Японию!»... Мне этого слова достаточно, чтобы не считать свою жизнь совсем потерянною.

Вторая половина Вашего письма нерадостна, тем более что с тех пор, как она писана, нет просвета, а все более и более густеет мрак над нашим бедным Отечеством. Газета всегда валится из рук, когда дойдешь до хроники убийств, ограблений, забастовок, бездельничества учащейся молодежи, диких поступков семинаристов и проч., и проч. Собор, вероятно, отложен будет до некоторого всеобщего

² Андроник (Никольский) (1870 - 1918), архиепископ Пермский и Кунгурский, священномученик.

успокоения; иначе ведь и самые благие решения будут перетолкованы, и предпринятые улучшения будут воспящены или искажены.

Здесь по Миссии и Церкви, слава Богу, все благополучно и идет своим порядком. Я занят преимущественно переводом богослужения. Ныне идет 4-й глас Октоиха; переводится целиком все, что есть в славянском тексте. И вот тут-то видишь, как необходим перевод богослужения на русский или, по крайней мере, – приведение славянского текста в удобопонятный вид. Иногда над одним стихом прстоишь полчаса и более, чтоб только уразуметь смысл его, а случается, сколько ни бейся, совсем не поймешь и заменишь непонятное своим измышлением, какое Бог пошлет на ту пору. Одним из неотложных дел Собора должно быть назначение Комиссии для исправления богослужебного текста, да только не затяжной Комиссии, которая бы тянула дело на сотню лет.

Не желая остаться в долгу пред Вами за книги, в ответ на Ваши две посылаю Вашему Высокопреосвященству отсюда две: иллюстрированное описание нашего Собора, изданное в назидание здешним церквам, и Псалтирь на японском языке. Простите, чем богаты, тем и рады.

Прося Вашего архипастырского благословения и святых молитв для себя и всей здешней Церкви, с истинным почтением и искреннейшею сердечною преданностью и братскою любовью имею честь быть Вашего Преосвященства покорнейшим послушником и богомольцем начальник Российской духовной миссии в Японии

*Николай, епископ Ревельский
Токио, 18 сентября 1906 года*

Заключение

Главная заслуга в просвещении Японии светом Православия принадлежит выдающемуся русскому миссионеру — апостолу Японии Архиепископу Николаю, “Апостола Японии,” в середине XIX века приступившему к служению благовестия в Стране Восходящего Солнца. Святитель Николай Японский не жалел сил и времени на изучение языка и жизни людей, среди которых развернулась затем его полувековая неутомимая деятельность, зато и результаты ее были впечатляющи: из одинокого миссионера-подвижника он превратился в главу Церкви с десятками пастырей-японцев и десятками тысяч пасомых. Ныне Автономная Японская Церковь существует в непростом мире постиндустриальной Японии с ее поли-конфессиональными традициями, наукоцентристскими настроениями интеллигенции и агрессивностью неорелигиозных сект и обществ.

Нет никого в истории христианской проповеди в этой стране, кто заслужил бы это имя с большим правом, чем святой равноапостольный архиепископ Николай.

Святой равноапостольный отче Николае, моли Бога о нас!